

Т. Ф. ВОЛКОВА

К вопросу о литературных источниках «Казанской истории»

(«Казанская история» и жанр «хождений»)

Уже первым исследователем «Казанской истории» Г. З. Кунцевичем было отмечено своеобразие ее стиля, в котором, с одной стороны, ощущалось влияние различных жанров, сложившихся в русской литературе к середине XVI в., с другой стороны — связь с литературными вкусами своего времени.¹ Это наблюдение Г. З. Кунцевича о переплетении «традиции» с «современностью» в стиле «Казанского летописца» было в дальнейшем развернуто и углублено в работах, так или иначе касавшихся вопросов его поэтики.² В стиле повести, объединившем «всю пестроту предшествующих приемов книжного повествования в однородную цветистую одежду»,³ исследователи в первую очередь отмечали влияние исторической литературы (хронографических повестей, летописных рассказов), воинских повестей (особенно повести о взятии Царьграда турками в 1453 г. Нестора-Искандера), агиографии, апокрифической литературы, беллетристики (Александрии, Повести о Трое). Обнаруживались в «Казанской истории» следы знакомства ее автора со «Словом о погибели Рускыя земли». Отмечалась связь «Казанской истории» с публицистикой XVI в. (посланиями Ивана Грозного, Сказанием о князьях Владимирских, сочинениями Ивана Пересветова).⁴

¹ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905, с. 510—515.

² Вопросы художественного своеобразия «Казанской истории» рассматривались, как правило, лишь в связи с более общими проблемами поэтики древнерусской литературы: А. С. Орлов касался стиля «Казанской истории», характеризую историческую беллетристику XV—XVII вв. и устойчивые формулы воинских повестей (А. С. Орлов. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. — ИОРЯС, т. XIII, 1908, вып. 4, с. 344—379); Д. С. Лихачев привлекал «Казанскую историю» в связи с проблемой разрушения литературного этикета (Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 102—107); Я. С. Лурье — характеризую особенностям сюжетного повествования в литературе XVI в. (Я. С. Лурье. Судьба беллетристики в XVI в. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 429—432).

³ А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля. . . , с. 346.

⁴ См.: Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве. . . , с. 507—508, 510—514, 593; А. С. Орлов. 1) О некоторых особенностях стиля. . . , с. 346—355; 2) «Казанский летописец». — В кн.: История русской литературы, т. 2, ч. I. М.—Л., 1946, с. 465—470; Г. Н. Моисеева. 1) Казанская история. М.—Л., 1954, с. 13 (текст «Казанской истории» в дальнейшем цитируется по этому изданию); 2) О некоторых источниках «Казанской истории». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 187—197;

Цель настоящей заметки — обратить внимание исследователей еще на один жанр древнерусской литературы, оказавший влияние на повествование «Казанской истории». Это жанр «хождений», известный на Руси с XII в. и пользовавшийся популярностью вплоть до начала XVIII в.

Среди разнообразного литературного материала «Казанской истории» обращают на себя внимание несколько описаний природы, содержащихся в разных главах повести. Это три описания местности, где по приказу Ивана Грозного был построен городок Свияжск, и два описания окрестностей Казани. Анализ этих фрагментов обнаруживает хорошее знакомство автора «Казанской истории» с приемами описания чужих земель русскими путешественниками XII—XVI вв.

Появление в «Казанской истории» пейзажей, напоминающих описания природы в «хождениях», на наш взгляд, не случайно. Развернутые описания местности появляются в «Казанской истории» всегда в рассказе о военных походах либо русских, либо татарских князей. Эти походы в некотором смысле тоже «хождения» в «чужие» земли, правда, не столь отдаленные, как Палестина или Индия.

Первое описание в повести Казанской земли появляется в рассказе о странствиях по пограничным с Русью землям легендарного ордынского царя Саина (с. 47). Цель его «путешествия» — поиски места, подходящего для постройки города «на приезд и на опочивание послом его, по дань ходящим на Русь». Описание выбранного Саином места на Каме по своему содержанию субъективно-авторское, но сюжетно оно заменяет рассказ самого «путешественника» — Саина, оценившего это место и выбравшего его для основания Казани.

Сходную сюжетную функцию выполняет и второй «пейзаж» казанских окрестностей (с. 127—128). В тексте главы, рассказывающей о походе русских войск под Казань в 1552 г., это описание следует непосредственно за фрагментом, передающим впечатление Грозного от осмотра города («и удивися необычной красоте стен и крепости града»). Из следующей за этим фразы становится ясно, что царь только во время этого осмотра впервые по-настоящему «разглядел» Казань («прежде бо приходил бе в зимное время, тем не расмотре града гораздо, каков есть»). Далее идет описание казанских окрестностей. При такой композиции данного фрагмента создается впечатление, что описываемые здесь Арское поле, Царев луг, озеро Кабан и две реки, кольцом охватившие город, т. е. все казанское междуречье, открываются взору московского царя, для которого эта земля пока еще чужая.

Описания другого междуречья, где была построена крепость Свияжск, также сюжетно обусловлены «путешествием» — в одном случае Ивана Грозного, возвращавшегося из неудачного похода под Казань в 1550 г. (с. 85—86), в другом — Шигалея и русских воевод, направленных Грозным на строительство Свияжска (с. 87).

Таким образом, сама сюжетная ситуация, порождающая описания природы в «Казанской истории», во многом сходна с той, которая обычно обуславливала введение пейзажа в текст «хождения».

Кроме того, обращение к жанру «хождения» диктовалось и самим типом описания природы, который использовал автор «Казанской истории». Изображение ландшафта местности, где будет строиться или уже

А. Н. Насонов. Новые источники по истории Казанского «взятия». — В кн.: Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962, с. 3—26; Д. Н. Альшиц. «Слово о погибели Рускыя земли» и «Казанская история». — В кн.: Летописи и хроники. М., 1974, с. 286—292; Истоки русской беллетристики. . ., с. 430.

построен город, ее природных богатств, характеристика ее с точки зрения пригодности и удобства для человеческого жилья — все это требовало от писателя XVI в. обращения к тому жанру древнерусской литературы, где подобного рода описания чаще всего встречались, к тем произведениям, в которых создан определенный канон изображения природы конкретной местности. Ведущим жанром в этом отношении, безусловно, и были древнерусские «хождения».⁵

Исследователями неоднократно отмечался интерес, который проявляли авторы «хождений» к экзотической природе далеких стран, хотя этот интерес в значительной мере был скован паломническими целями их путешествий. Впечатления от чужой природы содержатся и в самом раннем памятнике этого жанра — «Хождении игумена Даниила» (XII в.), и в позднейших «хождениях»: архимандрита Аграфения и Игнатия Смольнянина (XIV в.), Афанасия Никитина, Варсонофия, иродиакона Зосимы и неизвестного суздальца, участника посольства на Ферраро-Флорентийский собор (XV в.), Василия Позднякова (XVI в.).⁶

Ко времени создания «Казанской истории» жанр «хождений» выработал целый ряд ставших традиционными приемов описания ландшафта той или иной местности, ее климата, животного и растительного мира, графические формулы для определения ее природных богатств и изобилия. Специальных исследований по типологии описаний природы в древнерусских «хождениях», их эволюции в связи с эволюцией жанра в целом пока не существует. Н. И. Прокофьев, исследуя специфику жанра «хождений», лишь попутно касается этого вопроса.⁷

В данной заметке нам представляется важным привести некоторые дополнительные наблюдения о приемах изображения природы Даниилом и другими путешественниками.

Описания природы, которые содержатся в «хождениях» XII—XVI вв., можно разделить на три группы по степени их развернутости и сложности. Первую группу составляют устойчивые формулы, с небольшими вариациями переходящие из одного «пейзажа» в другой. Это повторяющиеся лаконичные характеристики флоры и фауны местности, высоты и очертаний гор, вкуса и цвета воды в реках, их течения и т. д. Они служат как бы первоэлементами более сложных описаний природы, хотя зачастую в тексте «хождений» встречаются и изолированно — в виде попутно сде-

⁵ Лаконичные описания местности, выбираемой для строительства города или монастыря, встречаются и в русских летописях (например, в Ипатьевской, под 1259 г.), и в некоторых житиях (например, в Житии Кирилла Белозерского. См.: В. Я б л о н с к и й. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, Прил., с. XVI). Однако эти летописные и житийные «пейзажи» обычно не развернуты и достаточно редки.

⁶ Особенности жанра «хождений» в последнее время рассматривались в работах: В. В. Д а н и л о в. О жанровых особенностях древнерусских «хождений». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 21—37; Н. И. Прокофьев. 1) «Хождения» как жанр в древнерусской литературе. — Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Вып. 288. Вопросы русской литературы. М., 1968, с. 3—24; 2) Русские хождения XII—XV вв. — Учен. зап. Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. Вып. 363. Литература древней Руси и XVIII в. М., 1970, с. 3—264; О. А. Б е л о б р о в а. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 257—272; см. также обстоятельную монографию К. Зеemана: K. D. S e e m a n. Die altrussische wallfahrtsliteratur Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976.

⁷ Н. И. Прокофьев отмечает различные аспекты «интереса» к природе игумена Даниила: «... природа, занимающая столь большое место в хождении, интересует Даниила и как место, где якобы происходили библейско-апокрифические события, и как проявление величия бога, и как условия, при которых приходилось путешествовать, и сама по себе как неотъемлемая часть пейзажа» (Н. И. П р о к о ф ъ е в. Русские хождения XII—XV вв. . . ., с. 41).

ланного замечания. Основной набор таких формул мы находим уже в «Хождении игумена Даниила».

Вторую группу составляют более развернутые описания — отдельных рек, озер, морей, гор, которые в свою очередь включаются в еще более сложные комплексы, представляющие собой третью группу описаний, — «пейзаж» какой-то отдельной местности. Это или описание окрестностей города, иногда монастыря, или рассказ о каком-то участке пути, наиболее поразившем путешественника.

Именно этот третий тип описания — «пейзаж» — главным образом используется автором «Казанской истории». Сформировался он также уже в «Хождении игумена Даниила» (мы находим его в описании семи палестинских городов и нескольких монастырей). Несмотря на различия и по объему, и по степени художественной выразительности, эти «пейзажи» Хождения заключают в себе много общего. Их типологическое сходство проявляется и в том, что все они построены примерно по одной и той же схеме, и в использовании общего набора устойчивых формул, с помощью которых Даниил обычно передает свои впечатления от палестинской природы. И на композиционном, и на фразеологическом уровнях «пейзажи» «Казанской истории» обнаруживают сходство с этими описаниями из «Хождения игумена Даниила».

Как правило, описания природы в Хождении Даниила содержат эстетическую оценку местности, открывающейся взору наблюдателя. Чаще всего такая оценка облекается в форму лаконичного замечания, носящего обобщенный характер. Эстетическая оценка, выраженная столь же обобщенно, содержится и в «пейзажах» «Казанской истории». Приведу несколько примеров.

*Хождение игумена Даниила*⁸

Казанская история

И есть около мѣста того поле красно велми. . . (с. 68)

И есть земля та. . . красна зѣло. . . (с. 66)

. . . и есть земля та около Самаря красна и чюдна зѣло. . . (с. 96)

И ту есть мѣсто на верху горы тоя, красно и высоко зѣло. . . (с. 75).

. . . поле, зовомое Арьское, велико и красно. . . (с. 127)

. . . красный луг Царев на семь верст продолжается, травю многю зеленыя и цветы красяся (с. 128)

. . . подле же обою рек тех, Волги и Свяги великия луги прилежат и травны велми и красны. . . (с. 85)

. . . место стройно, и твердо велми, красно и подобно к поставлению града. . . (с. 85) И видеша место угодно и добро велми. . . (с. 87).

В «Хождении игумена Даниила» вслед за подобными лаконичными характеристиками (или предваряя их) в ряде случаев помещается более конкретный рассказ о природе данной местности, в оценках которой у Даниила преобладает утилитарный подход: прекрасным в ней видится прежде всего то, что приносит пользу человеку.

Представление об изобилии края в Хождении Даниила обычно создается не с помощью описания его полей, лугов, садов, а путем перечисления его природных богатств. Таковы описания Иерусалима, Вифлеема, Хананеи, Самарии. Тот же прием использует и автор «Казанской истории», впервые описывая природу Казани в главе об основании города.

⁸ Здесь и далее цит. по: Житѣе и хоженѣе Данила Руськыя земли игумена. 1106—1108 гг. Под ред. Т. А. Веневитинова. — ППС, т. 1, вып. 3, т. 3, вып. 3. СПб., 1883—1885.

*Хождение игумена Даниила
(описание Хананеи)*

И нынѣ по истиннѣ есть земля та Богомъ обѣтованна и благословена есть отъ Бога всѣмъ добромъ: пшеницею, и виномъ, и масломъ, и всякимъ овощемъ обилна есть зѣло, и скотомъ умножена есть. . . , и пчелами увязло ту есть въ камении по горамъ тѣмъ краснымъ. . . и всякий овощъ ту есть, и есть овощей лучи и болий всѣхъ овощей, сущихъ на земли подь небесемъ, нѣсть такого овоща нигдѣже. . . , и есть мѣсто то и красотою и всѣмъ добромъ неисказанна есть земля та около Феврона (с. 72—73).

*Казанская история
(описание Казани)*

Место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и всяцемъ земными семьяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодыя много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей Руской нашей земли, нигдеже таковому подобно месту красотою и крепостію и угодиемъ человеческим, не вемъ же, аще есть будетъ в чужихъ земляхъ (с. 47).

Наборы характеристик местности в обоих фрагментах, как можно видеть, примерно идентичны. Сходна и композиция этих описаний: каждое из них начинается и завершается формулами, передающими личное отношение автора к увиденному, — его восхищение богатством и пышностью поразившей его природы, желание противопоставить ее природе других земель как уникальную, ни с чем не сравнимую.

Сходен и тип описания рек и озер у Даниила и его последователей, к которым относится и автор «Казанской истории». В приводимых отрывках утилитарное начало преобладает над чисто эстетическим (описывается не красота реки или озера, а наличие в ней рыбы и вкус воды).

Хождение игумена Даниила

. . . вода же <в Иордане> мутна велми и сладка пити. . . (с. 45)
. . . вода его <Тивериадского моря> сладка зѣло. . . (с. 102)
. . . рыбы въ немъ множество есть. . . <о Генисаретском оз.> (с. 108)
Рыбы же въ немъ много зѣло. . . <о Тивериадском море> (с. 102).

Казанская история

<О реке Булак>: . . . грязна велми и топна, а не зело глубока. . . (с. 127—128)
. . . езеро мало <около Свяжска>, имеючи в себе воду сладку и рыбиц всякихъ мале доволно на пищу человеком. . . (с. 88)
<Об озере Кабан>: . . . и рыбу многу пмущи в себе на пищу человеком (с. 127).

Описание природы в «хождениях» еще неотделимо от человека: рисуя пейзаж какой-то местности, путешественники всегда отмечали наличие человеческого жилья, сел, городов или, напротив, подчеркивали ее пустышность. Например, описывая путь к Назарету, Даниил замечает: «. . . погании срацини мнози сѣдять въ горахъ тѣхъ и по полю тому села суть многа срациньская. . . » (с. 110), а в описании горного ущелья, где приютился монастырь св. Саввы, неотделимой частью пейзажа становятся монастырские кельи: «. . . потокъ бѣ нѣкако страшень и глубокъ зѣло и безводенъ, стѣны [имать] бѣ высоки, и на тѣхъ стѣнахъ лпячь кѣлии. . . яко звѣзды на небеси утвержень» (с. 54). Отсутствие человеческого жилья обычно отмечалось в пейзажах с помощью формулы «место пусто». В Хождении Даниила так характеризуется богатая источниками местность возле города Асколона: «. . . есть бо пусто мѣсто то» (с. 13), а в Хождении Игнатия Смольнянина о безлюдных берегах Дона сказано: «Бяше бо пустыня зѣло, не бѣ бо видѣти ни села, ни человекъ». ⁹

⁹ Хождение Игнатия Смольнянина. Под ред. С. В. Арсеньева. — ППС, т. 4, вып. 3. СПб., 1887, с. 3.

Эту черту можно отметить и в «Казанской истории» — при описании места на берегу Свияги, где Иван Грозный задумал построить город-крепость. Заметив, что царь не решился открыть сразу свой замысел воеводам, автор объясняет «хитрость» Грозного так: «Бе бо место то пусто и лес велик по нему», после чего идет описание прибрежных лугов, затем взгляд повествователя как бы движется в глубь междуречья, и в пейзаж включаются черемисские села, разбросанные по склону горы, служащей как бы естественной границей пейзажа: «вдале же от рек в гору села казанския стoяху, в них же горная черемиса живяше» (с. 85—86).

Наряду с описаниями возделанной земли, плодоносящих деревьев и богатых пастбищ в «хождениях» значительное место занимают заметки о ландшафте той местности, по которой проходил путь паломника. Иногда он бывает обозначен одним штрихом — двумя-тремя словами. Например, Эфес и Вифлеем, описанные Даниилом, расположены «въ горахъ», а Вифания «во удолиѣ мѣстѣ», Самария — «межи двѣма горама высокими»; рассказывая об Иерусалиме, Даниил замечает: «Дебри суть многи около его и горы каменныя»; путь от Иерусалима к Иордану проходит сначала по горной местности («суть бо горы высоки каменны»), а затем «все по равну в песце»; местность вокруг монастыря св. Харитона описана Даниилом так: «. . . и есть <монастырь> близъ моря Содомскаго, въ горахъ каменныхъ; и пустыни около его. . . есть подъ нимъ дебрь камена и страшна зѣло» (с. 79).

Такого же рода замечания о ландшафте местности можно найти и в других «хождениях». Например, автор рассказа о поездке на Ферраро-Флорентийский собор русского духовенства, неизвестный суздалец, описывая переезд во Флоренцию, замечает: «А всѣ горы камены висоце, а путь тѣсенъ и тяжекъ вельми. . .». Упомянув о посещении монастыря под Юрьевом, тот же автор добавляет: «Горы жъ бяху у нихъ, поля и садове красны».¹⁰ В Хождении Игнатия Смольнянина также есть лаконичные указания на ландшафт местности (при описании прибрежной природы, наблюдаемой русскими путешественниками с корабля): «Бяху же ту горы высоки, и вполъ тѣхъ горъ сбирахуся облаци».¹¹

Столь же часто в ландшафтных зарисовках и Даниилом, и другими авторами «хождений» отмечается наличие рек, озер, водных источников, даже колодцев. В этом отчетливо проявляется тот прагматизм в восприятии и описании природы, о котором говорилось выше. Описания рек и озер интересны и в другом отношении: они помогают понять само восприятие ландшафта местности, целостного пейзажа средневековыми путешественниками. Река, озеро, водный источник в силу их большой практической значимости для жизни человека всегда так или иначе фиксируются авторами в описаниях природы чужих стран. Точно так же всегда отмечается и подчеркивается их отсутствие. При этом в описании рек авторы хождений начиная с Даниила неизменно стремятся к географической точности и конкретности: часто указывают истоки и направление движения реки, куда она впадает и по каким землям течет.

В интересующем нас типе пейзажа — описании окрестностей города, встречающемся в Хождении Даниила, указание на наличие рек и других водных источников, географическая и утилитарная их характеристика — неизменные элементы устойчивой композиционной схемы: «. . . естъ близъ <Капернаума> рѣка велика и та рѣка поиде изъ езера Генисаритьскаго и входитъ рѣка та въ море Тивирадское» (с. 107); «И съ тоя бо горы Ливаньскыя идета 12 рѣцѣ велицѣ, и идѣтъ 6 рѣкъ къ востоку лицъ, а '6 рѣкъ

¹⁰ Древняя российская вивлиофика, ч. V, 2-е изд. М., 1788, с. 40, 29.

¹¹ Хождение Игнатия Смольнянина, с. 5.

на угъ лицъ. . . , и ту есть межю тѣми рѣками Харъранъ. . . » (с. 109); «И предъ градомъ <Виѳанія> къ западу лицъ есть вода добра зѣло. . . » (с. 34) и т. д.

Приведенные наблюдения помогают понять, в какой степени рассматриваемые пейзажи «Казанской истории» традиционны в своей трактовке географического пространства,¹² в чем автор повести следует канону, сложившемуся в литературе путешествий, и что нового внесла эпоха XVI в. в эти описания. Рассмотрим два фрагмента «Казанской истории», наиболее приближающиеся по типу описания к пейзажу в современном его понимании. В одном перед читателями предстают окрестности Свияжска, в другом — Казани.

Описание Свияжска: «. . . прилежаху бо к нему <городу> *подале* от него превысокие горы. . . и стремнины глубокия, и дебри, и блата; *близ* же об едину стену озеро мало, . . . лиз него же *о круг града* течет Щука, и река мало шед, втечет в Свиягу реку. И на таковой границы красне, промеж двою рек, Щуки и Свияги, новый град ста» (с. 88).

Описание Казани: «Прилежит бо к нему <городу> с *востока* поле, зовомое Арьское. . . , по нему же течет под град Казань-река, на том же поле изливается озеро, Кабан именуемо, от града за 3 версты. . . Из него же истекает Булак-река, в Казань реку под градом втекает. . . , с *полудню* же града, от Булака и до Волги, красный луг Царев, на седьмь верст продолжается. . . Град же Казань зело крепок, велми, и стоит на месте висоце, промеж двою рек Казани и Булака. . . И вода двема реками быстро со обою страну града обтекши и в едину реку у стены града слися. . . и та река в Волгу поидет двема усты за три версты выше града, по реке же той и град словет Казань» (с. 127—128).

Приведенные фрагменты, как можно заметить, принципиально отличаются от рассмотренных выше описаний Казани и Хананеи. На сей раз перед нами не перечень природных богатств, а действительно описание, в результате которого создается зримый образ реального географического пространства — Свияжского и Казанского междуречий. Центром пейзажа в обоих случаях является город, на который повествователь смотрит как бы с высоты птичьего полета. Читая описание Свияжска, мы мысленно совершаем над городом два круга — большой и малый. В большой круг («прилежаху бо к нему <Свияжску> подале от него. . .») попадают описанные в традиционных формулах «хождений» «превысокия горы», «стремнины глубокия», «дебри», «блата»; в малый («близ же об едину стену. . .») — столь же обязательные для ландшафтного пейзажа «озеро мало» и две реки, кольцом охватившие город. В этом пейзаже поражает топографическая точность, документальность описания. В еще большей мере это относится ко второму отрывку. Описание окрестностей Казани напоминает подробный топографический комментарий к карте Волжско-Камского междуречья,¹³ украшенный характеристиками (Арского поля, реки Булак, озера Кабан, Царева луга — они приводились выше), напоминающими аналогичные описания в литературе «хождений».

Такого подробного, детального описания большой территории мы не найдем ни у игумена Даниила, ни в «хождениях» XIII—XIV вв. Аналог при-

¹² О восприятии географического пространства в Средневековье см.: Ю. М. Л о т м а н. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 181. Труды по знаковым системам, II. Тарту, 1965, с. 210—216.

¹³ В своем исследовании о «Казанской истории» Г. З. Кунцевич по поводу этого пейзажа замечает: «Топографическое описание Казани довольно точно» и приводит большую библиографию карт и чертежей Казани середины XVI в. (см.: Г. З. К у н ц е в и ч. История о Казанском царстве. . . , с. 428—431, 433).

веденным «топографическим» пейзажам «Казанской истории» отыскивается только в XV в. — в «Хождении Афанасия Никитина». Описание города Гульбарга, бывшей столицы Бахманидов, во многом напоминает описание Свияжска и Казани, хотя и отличается от них меньшей четкостью и стройностью. Особенно сходны описания Гульбарга и Казани, так как в обоих случаях речь идет о труднодоступных для вражеского войска крепостях, что определило и тип описания ландшафта окружающей их местности.

Хождение Афанасия Никитина

А град же его <султана> велми великъ, около его три ровы, да сквозъ его рѣка течеть; а со одну сторону его женьгъль <лес> злый, и з другую сторону пришел дол, чюдна мѣста велми и угодна на все, на одну же сторону приити вѣкуды, сквозъ град дорога, а града взяти вѣкуды, пришла гора велика да дебрь зла. . .¹⁴

Казанская история

. . . и согражден г. Казань в 7 стен. . . Толстина же градная от реки, от Казани и от Булака, трех сажен, и те бо места ратным пеприсушны. . . И яко крепкими стенами и водами вкруг обведен бе град, и токмо со единыя страны града с поля Арсагаго приступ мал; но туда стена градная была в толстину 7 сажен, и прекопана около ея стремнина велика и глубока (с. 128).

Такая эволюция ландшафтного пейзажа «хождений» в сторону его расширения, охвата все больших и больших территорий с одновременным привнесением в него топографической точности, картографической наглядности, очевидно, связана со все более активным развитием жанров географической литературы.

Как известно, интерес к географическим сочинениям проявился в древнерусской литературе уже в раннюю пору ее существования, о чем свидетельствует, в частности, древнейший перевод «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова — средневековой географической «энциклопедии». Качественный сдвиг в развитии географических представлений, а вместе с этим и специальной географической литературы относится ко времени объединения разрозненных русских княжеств в единое государство.¹⁵ К началу княжения Василия III в России уже существовало три группы географических материалов: писцовые книги, содержащие описания различных земель, входивших в состав Московии, «чертежи» порубежных земель и дорожники.¹⁶ Во второй четверти XVI в. среди переводов, сделанных в это время, значительное место занимают географические сочинения (в частности, космография Мартина Бельского, география Помпония Мелы).¹⁷ Иван Грозный положил начало большим картографическим работам. В Казанском архиве, по сообщению В. Н. Татищева, хранился большой «чертеж» на 16 листах, включавший описание казанских владений и других земель. Позднее, в конце XVI в., на основе этих географических описаний создается «Книга большому чертежу», включающая описание всех русских земель.¹⁸ На большое значение, которое придавалось географическим сочинениям в эту эпоху, указывает и тот факт, что на космографии, так же как и на летописи, ссылался Иван Грозный при решении спорных международных вопросов.¹⁹

¹⁴ Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. 2-е изд. М.—Л., 1958 (сер. «Литературные памятники»), с. 27—28.

¹⁵ См.: Б. А. Рыбаков. Географические знания. — В кн.: Очерки русской культуры XVI века, ч. 2. М., 1977, с. 209—227.

¹⁶ Там же, с. 213.

¹⁷ См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, с. 40—41.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Географические знания, с. 226.

¹⁹ РИБ, т. XVI. СПб., 1897, с. 56, 126.

Знакомство автора «Казанской истории» с географической литературой своего времени несомненно.²⁰ Об этом свидетельствуют не только пейзажи Казанского и Свияжского междуречий, поражающие своей топографической точностью, но и многочисленные замечания, разбросанные по всему тексту повести, в которых указываются маршруты военных походов русских и татарских князей. Замечательны в этом отношении короткие «географические справки», которыми автор повести предваряет свои описания Казани и Свияжска: «. . . и обрете место на Волге, на самой украине русской, на сей стране Камы реки, концем прилежаху к Болгарской земли, другим же концем к Вятке и к Перме» (с. 47); «. . . течение имеюще ей <Волге> из Руси прямо на восток, от нея же за 15 верст град Казань о левую страну. . .» (с. 87); «и мимо грядущи <Иван Грозный> путем по Волге, ледом, за 15 верст от Казани, на реце зовомой Свияге, ей же устье в Волгу течет, и узре ту. . . гору високу. . .» (с. 85).

По своему стилю эти фрагменты очень напоминают лапидарные характеристики из «Книги большому чертежу».²¹

Отмечая сходство картин природы в «Казанской истории» с пейзажами «хождений» и описаниями земель в географической литературе, необходимо отметить и принципиальное их различие. Пейзажи «Казанской истории» — неотъемлемая часть сложного художественного целого, они включены в сюжетное повествование, где выполняют конкретные художественные функции.²² Пейзажи Свияжского и Казанского междуречий, «нарисованные» как бы с большой высоты, должны были создавать у читателя ощущение пространства и простора. В результате рождался конкретный живописный образ Казанской земли с ее реками и озерами, дремучими «дебрями» и цветущими лугами. Согласно концепции автора повести, в прошлом «все то Русская земля была единая» (с. 44) и только «покорение бусурманское» превратило ее в «гнездо змиево» — «злогордую» Казань.²³ Не случайно пейзажи «Казанской истории», несмотря на свою документальность, вызывают в памяти широкий пейзаж «Слова о погибели Рускыя земли» и напоминают о «ландшафтном зрении»²⁴ автора «Слова о полку Игореве»: так же как и картины природы в этих произведениях, они звучат гимном прекрасной Русской земле. И этот образ Русской земли становится в повести одним из существенных элементов ее художественного целого, способствуя реализации идейного замысла произведения: поведать о величайшем событии русской истории XVI в. — покорении Казани, «преокаянной дщери» Золотой Орды.

²⁰ К сожалению, нет возможности сопоставить описания «Казанской истории» с документальными материалами XVI в., связанными непосредственно с Казанью: архивы Казанского ханства погибли во время взятия Казани. Не сохранились и русско-казанские посольские дела, находившиеся в XV—начале XVII в. в Москве (см.: С. О. Ш м и д т. Восточная политика России накануне «Казанского взятия». — В кн.: Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX века. М., 1964, с. 541). До нас дошли лишь писцовые книги (1566—1568 гг.), описывающие Казань и прилегающие к ней земли после окончательного подчинения их Москве (см.: К. И. Н е в о с т р у е в. Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877).

²¹ Ср., например, описания Свияжска и Казани в «Книге большому чертежу»: «А ниже Цывилы реки, на Волге, на нагорной стороне город Свияжской. А ниже города с нагорной стороны под городом пала в Волгу река Свияга. . .»; «А ниже Свияжского 20 верст город Казань от Волги 5 верст на реке на Казани. А Казань река вытекла верст со 100» (Книга большому чертежу. М.—Л., 1950, с. 137).

²² Конкретный анализ этих функций — задача отдельного исследования. Поэтому ограничусь лишь самыми общими наблюдениями.

²³ Мысль о том, что Казань — часть Русской земли, звучит и в других местах повести (см., например, «похвалу» Казани, которой завершается первое ее описание: «. . . и всяцего угодыя много, яко не мощно обрести другаго такова места во всей Руской нашей земли. . .» (с. 47).

²⁴ Термин Д. С. Лихачева.